

В кривом зеркале

О НОВОЙ ПОСТАНОВКЕ МОСКОВСКОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА

«СЕРДЦЕ ДЕВИЧЬЕ ЗАТУМАНИЛОСЬ...»

□ □ □

Человек — труженик, созидатель. Это и есть самый главный, волнующий и благородный образ нашей советской действительности, являющийся своего правдивого и яркого воплощения в искусстве. Повсюду на нашей земле вдохновенный творческий труд на благо своего народа превращается в органическую потребность для людей, строящих коммунизм.

Этот великий процесс, происходящий в городах и селах нашей Родины, еще, к сожалению, не нашел своего полного, всестороннего отражения в искусстве театра. Правда, появившиеся в последнее время такие постановки, как «Дали дальние, неоглядные» Н. Вирты, «Навстречу ветру» В. Овечкина, «Вольные мастера» З. Дановской, встретили горячее признание зрителей. Оно вызвано прежде всего тем, что в этих произведениях правдиво, увлекательно показана жизнь современной деревни. Но таких пьес о тружениках колхозного села еще очень мало.

Вот почему с живым интересом шли мы на новую постановку Московского драматического театра «Сердце девичье затуманилось...». Этот спектакль хотелось посмотреть благожелательными глазами еще и потому, что хорошо была известна

та нелегкая «предистория», которую пережила пьеса, прежде чем попала на сцену.

Года три назад появилась первая пьеса молодого писателя Виктора Курочкина. Называлась она «Козыриха», по прозвищу, которое односельчане дали Дарье Козыревой, героине этой бытовой психологической драмы. При всей своей несовершенности пьеса подкупала искренними переживаниями действующих в ней лиц, их живыми, самобытными характерами. Читателю было ясно, что автор хорошо знает колхозную жизнь, что он ее выдумывает образов своих героев и назревающих между ними конфликтов, а в меру своего драматургического умения и жизненного опыта знакомит нас с судьбой молодой деревенской женщины, ушедшей от великого мужа и обманутой человеком, в чувство которого поверила. Не найдя счастья в любви, Дарья не погибла, не бросилась в омут, как поступали в ее положении женщины старого мира, а вырвалась из плена мимолетных страстей и безделья на широкий и верный трудовой путь.

Пьеса долго не находила в Москве театра, который всерьез заинтересовался бы ею и помог начинающему драматургу доработать

произведения, углубить в нем основную тему труда, оздоравлиющего, спасающего Дарью. Было обидно за способного начинающего драматурга, нуждающегося в квалифицированной помощи театра.

И вот недавно стало известно, что Московский драматический театр включил пьесу В. Курочкина в репертуар, поручив ее постановку талантливому режиссеру Борису Равенских, ставшему также и соавтором драматурга. Обнадеживалась и появившаяся незадолго до премьеры в журнале «Театральная жизнь» обширная беседа с этим режиссером. В ней Б. Равенских сообщил о том, что ему дорога «познания колхозной деревни», что «в колхозной пьесе хочется видеть настоящих талантливых людей», что «режиссер должен быть чутким к тому интересному, стоящему, что заключено в пусть порой незрелых, незавершенных, но талантливых произведениях», что «начинающего драматурга следует уметь поддерживать» и т. д.

И хотя эта журнальная беседа в некоторых других творческих утверждениях казалась спорной, а внезапно возникшее в театре новое, малопонятное название пьесы давало повод насторожиться, все же,

повторяем, на премьеру мы шли, что называется, с открытым сердцем, с самыми лучшими надеждами.

И вот раскрылся занавес, зритель еще не появив, почему сердце девичье затуманилось, но его сердце затуманилось сразу. А в конце спектакля надежды на то, что известный и даровитый режиссер действительно раскроет повсюду колхозной деревни, были вконец окончательно утрачены.

И это произошло, несмотря на то, что отдельные сцены и эпизоды спектакля поставлены режиссером ярко, мастерски. Например, сцены, где Дарья объясняется и расстается с Антоном, а впоследствии с Митей, волнуют своим искренним драматизмом, чистотой Дарьиной любви, глубиной ее отчаяния. Эти картины — лучшие у режиссера — наиболее удались и молодой способной актрисе З. Кириенко, которую зрители помнят по фильмам «Тихий Дон» и «Судьба человека».

Блестки режиссерской выдумки, острой изобретательности рассыпаны по всему спектаклю. Это им аплодирует зрительный зал. Но гаснут огни лампы, начинаешь обдумывать виденное, услышанное, и невольно у тебя возникают серьезные вопросы: раскрыта ли в спектакле главная идея, пьесы, за которую, являясь с тем, что только благодаря труду смогла Дарья с радостью удовлетворением снать о

себе: «Нет больше «белой Козырихи»? Создал ли театр достоверный образ молодой нашей современницы и сумел ли он ясно и убедительно противопоставить судьбу Дарьи судьбам женщин старой России, хотя бы Катерине Кабановой из «Грозы» Островского, Надежде Монаховой из горьковских «Варваров»? Раскрыта ли в спектакле советская действительность, которая не дает человеку остаться в одиночестве, помогает ему найти свое место в жизни?

Увы, ответ на все эти вопросы отрицательный! Постановка замечательна жизненной правдой, не повзвела нам реальных людей сегодняшней колхозной деревни. Ложно понадеявшись театром «повстичность и красота» обернувшись в спектакле легковесной развлекательностью и внешней красивостью.

«Красивая ты, Дарья, как артистка», — говорит Антон. «Меня в колхозе барыней зовут», — признается Дарья. Видимо, режиссер этой характеристикой ограничился, и Дарья превратилась в позирующую, тоскующую от лени и безделья эталонную томную, любующую собой девушку. К тому же ее «переживания» подчеркивает нарочито значительная музыка. И, конечно, когда такая Дарья, какой ее задумал Б. Равенских и воплотила на сцене З. Кириенко, неожиданно преобразуется в активистку-новатора на свиноферме, кормит свиней горохом, а из-за кулис раздается «самодельное» поросляче хрюканье, — это внезапное превращение Дарьи выглядит пародией на жизнь, на наших колхозных тружеников.

Стремление к занимательности «во что бы то ни стало» привело режиссера к самому бездумному смешению совершенно различных специфических жанров. Психологическая бытовая драма в мгновение ока превращается в комедию или легкомысленный водеvil. Чтобы вызвать смех в зале, Митя Козырев (артист С. Яковлев), собирающийся стать студентом, бесобразно коверкает речь, хотя это и вступает в вопиющее противоречие с образом героя. Артист А. Шаршов, верно и интересно играющий Пеку, вдруг с одобрения режиссера выкидывает такие комические фразы, которыми пользовались в старые времена невзыскательные опереточные комики.

А чем оправдан «демонизм» лесника Антона (артист А. Песелев), превращенного в некоего ровного мелодраматического злодея-антагониста? И уж совершенно неуместным выглядит исполненный на колхозном празднике странный танец Дарьи с Антоном — нечто вроде экстрадного «танго любви и смерти»... Стремлением к ложной романтизации подсказан и финал спектакля: Дарья, освещенная прожекторами, под звуки музыки гордо застывает на авансцене, и зрителям надо догадаться, что это означает вступление Дарьи в новую самостоятельную, трудовую жизнь.

Нет, не получился у театра спектакль о людях колхозного села. Зритель увидел их, слезно в кривом зеркале. Неудавшийся специфический эксперимент искал правду жизни.

М. ВЕРТЕНСОН.

Ленинское знамя 3 авг. 1959.